

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ

А.А. Гусейнов

ЧЕМ БЫЛ ОБУСЛОВЛЕН И В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЛСЯ ДУХОВНЫЙ ПЕРЕВОРОТ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО?

Гусейнов Абдусалам Абдулкеримович – доктор философских наук, академик РАН, директор ИФ РАН. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: guseynovck@mail.ru

Статья посвящена осмыслению нового понимания нравственности, разработанного Л.Н. Толстым в результате мучительных поисков ответа на вопрос о смысле жизни. Толстой представлен как духовный реформатор, принадлежащий одновременно трем измерениям человеческого духа – художественному, интеллектуальному, практически-нравственному. В каждой из трех сфер мыслитель достиг выдающихся успехов, раскрыв их внутреннее единство, возможное лишь на основе практически-нравственного отношения к миру, воплощенного в этике ненасилия. В конце 1870-х гг., на пике мировой славы и всестороннего благополучия, Толстой пережил духовный кризис, кардинально изменивший внешний уклад его жизни и ценностные ориентиры. В концепции непротivления злу насилieм как наиболее адекватном выражении заповеди любви Толстой нашел тот смысл жизни, который примирил его с фактом ее бренности и дал ему силу жить дальше. Мыслитель не только аргументировал этику ненасилия, но и практически культивировал ее в опыте собственной жизни. В этической концепции Толстого автор статьи выделяет три наиболее актуальных сегодня момента: нравственность представляет собой индивидуально ответственный способ бытия человека в мире; нравственным мир делает отказ от насилия; отказ от насилия – не одновременный акт, это широкая, охватывающая всю жизнедеятельность программа, каждый раз конкретизируемая и контролируемая самим человеком.

Ключевые слова: этика ненасилия, религия, мораль, вера, практически-нравственное отношение к миру, смысл жизни, духовный кризис, творчество Л.Н. Толстого

У Толстого, как он сам пишет, случались странные состояния, когда перед ним остро вставал вопрос, какой смысл делать все то, что он делает, если в итоге все – и личная его жизнь, и жизнь человечества – кончается прахом. Эти состояния он характеризовал как остановки жизни. В какой-то момент такие состояния стали особенно частыми и завладели его существом до умопомрачения. Им овладел ужас, единственным выходом из которого казалось самоубийство. Описание этого состояния мы находим, в частности, в его рассказе «Записки сумасшедшего». Желание самоубийства стало настолько сильным, что Толстой прятал оружие от самого себя.

Дойдя до такой крайней точки, Толстой задумался, а почему окружающие его люди живут, и их не беспокоит вопрос, который для него стал настоящим наваждением. Заключив, что покончить с собой он всегда успеет, он задумался: а что вообще дает людям силу жить? Он стал искать ответ на вопрос о том, в чем заключается смысл жизни. Так началась огромная, растянувшаяся на ряд лет интеллектуальная деятельность с целью выяснить, что говорили об этом великие пророки и мыслители и что думают простые люди, а также напряженная работа по собственному духовному очищению. Чтобы составить представление о масштабе и серьезности начатых Толстым изысканий, достаточно указать на следующие факты. Он в течение года вел жизнь самого дисциплинированного прихожанина православной церкви, самым точным и честным образом выполняя все ее предписания. В итоге он пришел к выводу, что это обман, но ему надо было испытать этот путь, и он честно прошел его. Он обновил свой древнегреческий язык и выучил иврит, чтобы погрузиться в Новый и Ветхий заветы. Он стал изучать философов, прежде всего моралистов: Сократа, Сенеку, Спинозу, Шопенгауэра и др. Словом, поиск ответа на вопрос о смысле жизни стал смыслом его собственной жизни в этот период.

Результатом явилось то, что Толстой выработал свое собственное мировоззрение, изменившее, точнее говоря, полностью перевернувшее его представление о жизни, как и саму жизнь. Толстой стал другим человеком в том, что касается его духовных ориентаций и образа жизни. Великий писатель, который учит жизни других, стал скромным искателем истины собственной жизни. Граф стал простолюдином, который пашет землю и тачает сапоги. Счастливый семьянин и хозяин стал христианином, стыдящимся своего счастья и богатства. Блестящий представитель высшего света стал кающимся грешником. Словом, Толстой, как пишет он сам, оказался подобен человеку, который вышел зачем-то из дома и, потом вспомнив, что что-то забыл, решил вернуться – и все, что было справа, оказалось слева, а все, что слева, – справа.

Такого рода духовные перевороты случаются редко, но случаются. Наиболее известные из них в европейской культуре – превращение фарисея Савла в апостола Павла, развратного язычника Августина в христианского святого. Похожим является также превращение блестящего европейского интеллектуала Альберта Швейцера в доктора из африканского местечка Ламбарене. Во всех таких случаях описано, как происходило духовное перерождение, но нет ответа на вопрос, почему это произошло. Это подобно землетрясениям: мы знаем, что случается, когда они происходят, но не знаем, почему они происходят. И в случае Толстого то же самое. Он подробно рассказал, что с ним происходило, и как все изменилось, когда он решил повернуть назад, если воспользоваться его сравнением, но мы не знаем, почему это произошло. На мой взгляд, единственное правдоподобное объяснение связано с возрастом Толстого. Кризис и ставший выходом из него духовный переворот в жизни Толстого произошли тогда, когда ему было 50 лет. Всюду, где Толстой описывает соответствующий событийный ряд, он указывает на то, что это случилось накануне 50-летия, когда ему было 50 лет, через два года после 50-летия... 50 лет – такой рубеж, когда жизнь достигает пика и начинается обратный отсчет времени. Пора опьянения жизнью кончается, человек оказывается перед лицом смерти. Понятие бренности существования приобретает для него прямой, непосредственный, витальный смысл. По-видимому, Толстого охватила паника перед лицом смерти. Отсюда – описанные им странные остановки жизни, вызванные вопросом: к чему книги, богатство, семья, слава, если все

кончается прахом, могильными червями? Предположение, согласно которому именно страх перед предстоящей неизбежной смертью стал причиной его духовного кризиса, подтверждается тем, что в предшествующей его жизни для этого не было оснований. Кризис произошел тогда, когда по привычным представлениям он менее всего должен был бы произойти. В этот период у Толстого было все, что, как принято считать, делает человека счастливым: крепкое здоровье, богатство, большая дружная семья, всемирная слава писателя, величайший авторитет в обществе... У него было все, что должно было бы сделать его счастливым. Но не делало – все становилось пустым, бессмысленным перед сознанием того, что все рано или поздно должно неизбежно кончиться, исчезнуть, превратиться в прах. Вот с этим Толстой не мог смириться.

* * *

Итак, Толстой задумался над вопросом о смысле жизни¹. Он задумался над ним, чтобы найти смысл своей собственной жизни. Это очень важно. Исходная позиция его интеллектуальных поисков не исчерпывалась простой честностью, обязывающей ставить себя на кон и опытом собственной жизни проверять истинность предлагаемых выводов. Она была иной, когда сама его жизнь была поставлена в зависимость от того, будут ли его выводы истинными или нет. Ситуация Толстого – не ситуация врача, который на себе испытывает найденное им лекарство. Это – ситуация безнадежно больного, которому не могли помочь никакие врачи и который решил поэтому сам стать врачом, чтобы найти спасительное лекарство.

Прежде всего Толстой подверг анализу сам вопрос о смысле жизни. Он пришел к выводу, согласно которому вопрос уже содержит констатацию того, что в самой нашей конечной жизни смысла нет, ибо в противном случае у нас, живущих такой жизнью, в особенности тогда, когда она развернута во всей возможной полноте, как это имело место у него самого, такого бы вопроса не возникло. И если, тем не менее, данный вопрос возникает, его надо понимать как вопрос о таком смысле нашей жизни, который не кончается вместе с самой жизнью. Поэтому, когда Будда, Соломон, Шопенгауэр говорят о суетности, бессмысленности жизни, они не отвечают на вопрос о том, в чем заключается смысл жизни, они лишь повторяют его. Они сравнивают конечное с конечным и бесконечное с бесконечным, оказываясь тем самым во власти пустой тавтологии. А вопрос о смысле жизни требует сравнивать конечное с бесконечным.

¹ Проблематика смысла жизни рассматривается Толстым в контексте соотношения религии и нравственности – центрального вопроса мировоззрения Л.Н. Толстого. Этот вопрос рассматривается во всех его основных философских сочинениях: «Исповедь», «В чем моя вера», «Исследование догматического богословия», «Что такое религия и в чем сущность ее?», в систематической, хотя и краткой, форме изложен в трактате 1893 года «Религия и нравственность» (уместно заметить, что этот трактат написан как ответ на вопросы профессора Берлинского университета Георга Грижинского: 1) что Толстой понимает под словом «религия» и 2) считает ли он возможным существование независимой от религии нравственности и как он ее понимает? – их Толстой охарактеризовал как «в высшей степени великие и прекрасно поставленные вопросы»). Опубликован был трактат в переводе на немецкий язык в немецком журнале «За этическую культуру» в 1894 году). Важно подчеркнуть, что интерес Толстого к вопросу о соотношении религии и нравственности не был сугубо теоретическим или даже по преимуществу теоретическим. Он был вызван личной жизненной ситуацией, имел для него непосредственный экзистенциальный смысл.

Утверждение о бессмысленности жизни не выдерживает критики ни с логической, ни с этической точек зрения. Тезис, что жизнь бессмысленна, является выводом, к которому приходит человеческий разум. Но разум сам есть факт жизни, одно из ее проявлений, к тому же высших. Поэтому, говоря о бессмысленности жизни, разум говорит о своей собственной бессмысленности. Но разуму, который отрицает сам себя, можно доверять не больше, чем тому критянину, который говорит, что все критяне лгут. Это был логический аспект философского пессимизма. Теперь рассмотрим этический аспект. Утверждать, что жизнь бессмысленна, значит утверждать, что она есть зло и не стоит того, чтобы ее продолжать. Если бы все эти Соломоны и Шопенгауэры всерьез так думали и если бы они воспринимали свои утверждения в их нравственно обязывающем содержании, то они сами покончили бы со своей жизнью раньше, чем начали рассуждать о ее бессмысленности.

Итак, чтобы адекватно ответить на вопрос о смысле нашей конечной жизни, нам надо выйти за ее конечные границы. Сила, которая выводит нас за эти границы, есть разум. Познание из разума приводит нас к постижению бесконечности мира. Пчела, собирающая мед с цветков, не задумывается над тем, зачем она это делает и какие это будет иметь отдаленные последствия. Другое дело человек, заботящийся о пропитании детей: он задумывается, что будет с ребенком, о котором он заботится, не обделяет ли он своими действиями других детей, не наносит ли ущерба природной среде и т. п. и т. п. И чем более важны дела, которыми занят человек, тем более сложны и отдалены последствия, которые необходимо принимать в расчет. Более того, последствия эти уходят в необозримую ширь и даль, охватить их все в рамках разумного поведения невозможно. Поэтому, наряду с поддающимися познанию и разумному учету причинами и последствиями действий, человек вырабатывает интегрированное отношение к миру в целом – к миру в его бесконечной основе. Разум человеческий приходит к познанию того, что мир бесконечен и что в своей бесконечности он находится за пределами того, до чего наш разум может дойти.

Кроме невозможности проследить все причинно-следственные цепочки наших действий, к идее бесконечности мира приводят, согласно Толстому, еще две важные особенности нашего существования. Во-первых, свойственное человеку сознание своей конечности на фоне сохраняющейся и бесконечно длящейся жизни. Во-вторых, сознание своей греховности, выражающейся в чувстве недовольства собой, сознание неисполнения того, что мог бы и должен был бы исполнить.

Человек неизбежно, не в силу тех или иных случайных, зависимых от индивидуального положения способностей и достижений, а в силу фундаментальных, свойственных всем людям, характеристик своего бытия, формирует свое отношение к миру в целом, к миру в его бесконечности. Это и есть религия. По Толстому, «сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос: зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру»². Отношение к миру в его непостижимой бесконечности может быть только религиозным. Его не могут задать (установить, сформулировать) ни философия, ни наука. Они, как считает Толстой, не могут этого сделать, по крайней мере, в силу двух оснований. Во-первых, потому, что такое отношение должно уже существовать прежде философии и науки, до их понятий и познавательных методов. Прежде чем познавать что-либо, надо уже знать, для чего это делать. Посредством движения нельзя определить направление

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. М., 1956. С. 7.

движения, ибо во всяком акте движения уже задано его направление. Точно так же посредством мысли мы не можем определить, для чего она, ибо всякая мысль уже содержит в себе свою целевую заданность. Во-вторых, это отношение определяется не только разумом, но и чувством, всей совокупностью духовных сил человека.

Итак, «Истинная религия есть такое согласное с разумом и знаниями человека установленное им отношение к окружающей его бесконечной жизни, которое связывает его жизнь с этой бесконечностью и руководит его поступками»³. А начало его – это Бог. Религия представляет собой определенное реальное отношение, в котором находится человек и в котором он не может не находиться. Человека разумного без религии нет, как и нет человека без сердца. Он может не знать, что у него есть сердце. Но он не может жить без сердца. Так и с религией. Религия тех, кто отрицает религию, есть само это отрицание, их атеизм. Что касается господствующих представлений о религии, то их, по Толстому, можно свести к трем типам, каждый из которых в свою очередь имеет разные вариации: церковному, в рамках которого религия понимается как откровение; атеистическому, рассматривающему религию как заблуждение, обман, от которых необходимо освободиться; просвещенно-прагматическому, рассматривающему религию как обман, но полезный для того, чтобы дисциплинировать людей. Все такого рода суждения – это не определения религии, а то, что кажется религией, и то, что считают для себя полезным понимать под религией те, кто высказывает такие суждения.

Понятие Бога представляет собой краткое обозначение религии. Бог есть начало и основа бесконечного мира в его бесконечности. Бог представляет собой тот предел, до которого доходит наш разум. Он в этом смысле является синонимом того, что мы не знаем и не можем знать. Для понимания религиозных взглядов Толстого это очень важный момент: мы знаем, что Бог существует, к такому выводу мы приходим на пределе нашего знания. Подобно тому, как операция сложения приводит нас к идее бесконечного ряда чисел, точно так же поиск ответа на вопрос: «Откуда я?» – подводит к идее Бога. Но мы не можем утверждать о Боге ничего определенного. Мы знаем, что он существует, но мы не знаем, как и в каком виде он существует. И не можем знать, так как само понятие Бога есть обозначение границы нашего знания. Разум подводит нас к понятию Бога, и он же запрещает нам делать какие бы то ни было содержательные утверждения о нем. Вот важное утверждение Толстого об этом предмете: «Я хочу, чтобы все то, что необъяснимо, было таково не потому, что требования моего ума неправильны (они правильны и вне их я ничего понять не могу), но потому, что я вижу пределы своего ума»⁴.

Религиозность человека, его отношение к Богу воплощается в вере. Понятие веры у Толстого точно так же, как и его понятие религии и Бога, имеет мало общего с расхожим, повседневным о ней представлением, которое восходит к апостолу Павлу. Согласно апостолу Павлу, вера есть «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 2:1). Толстой решительно отвергает такое понимание веры, так как оно выводит веру в первой части – «осуществление ожидаемого» – за рамки индивидуально-ответственного поведения, а во второй части – «уверенность в невидимом» – за рамки рационального постижения мира. Такой взгляд на веру отождествляет ее с чудом и представляет собой род шарлатанства в интересах служителей церкви. Вера в ее действительном содержании представляет собой нечто иное. Это осо-

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 35. М., 1950. С. 163.

⁴ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. М., 1957. С. 57.

бого рода знание, правда, неразумное, но, тем не менее, знание, именно знание, дающее возможность жить. Она лежит в основе всякого другого знания: «...вера есть знание смысла человеческой жизни, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет»⁵. Без веры, говорит Толстой, человек жить не может. Если он живет, то во что-нибудь да верит. Вера есть сила жизни, сознание жизни.

* * *

Религия переходит в нравственность, ведет к нравственности, воплощается в нравственности. Нравственность, считает Толстой, есть обозначение деятельности, которая сама собой вытекает из того или другого отношения человека к миру. То или иное отношение к миру есть то или иное понимание смысла жизни. Всего логически возможны и реально существуют три взгляда на смысл жизни. А именно, человек живет: а) для себя; б) для окружающих, общества; в) для Бога. Эта схема кажется предельно упрощенной. На самом деле она в обобщенном виде выражает все основные типы отношения человека к миру. Здесь нетрудно заметить аналогию с тремя, выделенными еще в античности, образами жизни, которые также исчерпывающе описывают их возможные типы: гедонистический, граждански-деятельный, созерцательный. Толстой еще более упрощает предложенную схему, считая, что первые два понимания образа жизни – ради себя и ради других людей – совпадают между собой. В результате остаются только две альтернативные возможности: жить ради себя или ради Бога. Когда Толстой говорит о жизни ради себя, он имеет в виду жизнь ради целей, которые определяются конечностью нашего индивидуального и группового существования. Жизнь же ради Бога означает жизнь ради мира, ради самой жизни в ее бесконечной основе.

Жизнь ради себя и других людей обесмысливается фактом нашей бренности. Это – ложный путь. Это – путь борьбы, преступлений, насилия ради блага моего, моей семьи, моего народа, класса и т. п. Мы фактически признаем этот путь ложным, когда задаемся вопросом о смысле жизни. В самом деле, задумываясь над вопросом о смысле жизни, мы задумываемся именно над тем, а правильно ли мы живем, отдаваясь погоне за жизненными благами ради себя и своих близких. Истинное понимание смысла жизни, которое вытекает из самой постановки этого вопроса и которое соответствует нашей разумно-деятельной человеческой сущности, – это жизнь ради Бога. Толстой формулирует такой взгляд самым ясным образом: «...смысл жизни в исполнении воли пославшего тебя, и потому всеми силами стремись познать эту волю и исполнить ее» в «отречении от своей личности и совокупности личностей для служения Богу»⁶.

Нравственная задача – отрешиться от себя, от того, к чему толкают личные и общественные интересы, и жить так, как велит Бог. Но тут как раз и начинаются трудности. Ведь мы, люди, не знаем, что велит Бог. Бог, как было сказано, является обозначением именно того, что мы не знаем и в принципе не можем знать. Все религиозно-церковные суждения о Боге, связанные с так называемым откровением, Толстой решительно отвергает. Переданные когда-то Богом скрижали, чудесные воскресения, плачущие иконы, утвержде-

⁵ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 23. М., 1957. С. 35.

⁶ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 39. С. 19.

ния о троичности бога и прочие религиозные предрассудки – это не для Толстого. Толстой – человек века науки, хотя самой науке он отводил лишь служебную роль. Он признает лишь такие суждения, в том числе о Боге, которые обладают логической убедительностью и опираются на проверяемые факты. В познавательном плане наше отношение к Богу является сугубо негативным. Мы можем судить о нем через обозначение того, чем он не является. Бог для нас тождественен с недоступным нашему разумению бесконечным началом мира. И так как мы ничего определенного о Боге не знаем, но знаем, что он есть, то наше отношение к нему может быть сугубо веровательным. Это значит, что мы можем, мы должны строить нашу жизнь с учетом абсолютной зависимости от Бога, с учетом того, что не мы, а он является хозяином мира, и что именно он послал нас в этот мир.

* * *

Правильное, нравственно адекватное отношение человека к Богу аналогично отношению сына к отцу. Человек должен следовать воле Бога так же, как сын следует воле отца; отец лучше самого сына знает, в чем заключается благо сына. Моделью такого отношения является этика любви Иисуса Христа. Толстой принимает учение Христа и считает себя христианином. В данном случае, как и в случае с понятиями религии, веры, Бога, нельзя обманываться словом. Толстой – последователь Христа. Но при этом необходимо сделать, по крайней мере, два существенных уточнения. Во-первых, Иисус более полно, последовательно выразил идею любви, которая свойственна всем религиям – и буддизму, и конфуцианству, и даосизму, и брахманизму, и иудаизму, и исламу. Во-вторых, Иисус Христос – не Бог, не сын Бога, а человек, хотя и выдающийся; он является духовным реформатором, учителем жизни. У Толстого есть на первый взгляд парадоксальное, а по сути – логически выверенное и совершенно точное утверждение о том, что для того, кто верит в Бога, Иисус Христос не может считаться Богом. Отношение Иисуса к Богу, аналогичное отношению сына к отцу, самым точным образом выражено в словах, с которыми он обратился к нему в ночь перед казнью, преодолев охватившие его минутные страх и сомнения: «Не как я хочу, а как ты хочешь» (Мф. 26:39).

«Не как я хочу, а как ты хочешь» – это и есть формула любви. Любовь во всех своих проявлениях – как любовь родителей к детям, мужчины к женщине, гражданина к отчизне и т. д. – означает самопожертвование, самоотречение, готовность любящего поставить себя на службу тому, кого он любит. Она тоже укладывается в эту формулу. Отдать себя другому, себя, смысл своего существования находить в том, чтобы жить для другого – в этом заключается сущность любви как нравственного отношения.

Не как я хочу, а как ты хочешь. Но, как уже отмечалось, мы не знаем, не можем знать, чего от нас хочет Бог. Поэтому по отношению к Богу мы не можем действовать в соответствии с требованием «как ты хочешь». Любовь к Богу может быть ограничением деятельности человека, но не ее позитивным содержанием. У нас остается только одна возможность быть верным Богу, служить ему – руководствоваться первой половиной формулы: «не как я хочу». Не как я хочу – это и есть единственный путь, который связывает смертного человека с бессмертным Богом и придает смысл всему, что он делает.

«Не как я хочу» означает отказ от «как я хочу», от своеволия индивида, от той философии и практики отношений, в ходе которых индивид навязывает себя, свою волю окружающим, миру. В самом прямом и точном смысле это есть отказ от насилия, или, если говорить толстовским языком, заимствованным им из Евангелий, есть позиция непротivления злу силой, насилием. Согласно абсолютно точному и по-толстовски совершенно бесхитроственному определению, совершать насилие означает «делать то, чего не хочет тот, над которым совершается насилие»⁷. Насилие можно кратко выразить в формуле: «Не как ты хочешь, а как я хочу». Легко видеть, что формула насилия является прямой противоположностью формулы любви. Она представляет собой точное выражение эгоцентрированной модели человеческого поведения. Отказ от насилия и есть любовь в той прямой, единственно застрахованной от лжи и демагогии форме, которая доступна человеку.

Итак, религиозно-нравственное учение Толстого обрело конкретность в этике непротivления злу силой – этике ненасилия. Толстой решил искомую задачу – он, подобно своему герою из повести «Смерть Ивана Ильича», нашел тот смысл жизни, который примирил его с фактом ее бренности и дал ему лично силу жить дальше. В мировоззрении Толстого наступила полная ясность, а жизнь его полностью перевернулась.

В этой новой жизни, которая началась для него в 50-летнем возрасте, он все свои могучие интеллектуальные и душевные силы направил на то, чтобы продумывать, аргументировать этику ненасилия и чтобы практически культивировать ее в опыте собственной жизни. И то, и другое – неоценимое и, следует честно признать, до настоящего времени неоцененное в своей глубине духовное богатство. Можно утверждать: Толстой еще не понят, не открыт. Я имею в виду следующее. Его рассматривают как художественную величину, писателя, отводя в этой категории одно из самых высоких мест. Его рассматривают также как мыслителя, философа, считая, правда (на мой взгляд, ошибочно), в этой категории не перворазрядной, но, тем не менее, заметной фигурой. Конечно, у Толстого есть свое место и в ряду писателей, и в ряду мыслителей. Но он не уместается ни в тот, ни в другой ряд. На самом деле более важная, в том числе более важная, чем его писательство, характеристика Толстого состоит в том, что он является духовным реформатором, человеком, который открывает новые горизонты свободной жизни. Он принадлежит тому ряду, в котором находятся имена Конфуция, Иисуса Христа, Мухаммеда, Франциска Ассизского, Лютера, Маркса, Ганди, Швейцера... Его заслуга и его необычность состоят, возможно, в том, что, принадлежа всем этим трем рядам человеческого духа – художественному, интеллектуальному, практически-нравственному, достигнув в каждом из них выдающихся успехов, он раскрыл их внутреннее единство, которое возможно только на основе изначального и безусловного приоритета адекватного практически-нравственного отношения к миру, воплощенного в этике ненасилия.

Заключая, мне бы хотелось сказать следующее. Толстой не просто развернул свою этическую программу, основанную на Нагорной проповеди, он вместе с тем дал новое понимание нравственности, ее роли в жизни человека и общества. У Уайтхеда есть такое, ставшее знаменитым, выражение: «Если бы общество в его нынешнем состоянии буквально последовало моральным заветам Евангелий, это привело к его немедленной гибели»⁸. Толстой тоже видел этот конфликт между Нагорной проповедью и цивилизацией, но он

⁷ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 28. М., 1957. С. 190–191.

⁸ Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии. М., 1990. С. 405.

считал, что цивилизация стоит того, чтобы погибнуть, если она не основана на Нагорной проповеди⁹. Думать, что социальный прогресс может нести с собой улучшение нравственности, говорил он, это все равно, что думать, будто постройка печи может обогреть комнату. Тепло идет от солнца, и, чтобы обогреть комнату, печь надо растопить дровами, которые заключают в себе частицу солнца. И точно так же социальные формы могут благотворно воздействовать на общество, если уже содержат в себе нравственность. Нравственность не привносится в человека извне, она заключена внутри него. «Царствие божие внутри вас» – так называется один из основных теоретических трудов Толстого. В толстовском понимании нравственности я бы выделил три момента, которые в контексте современных этических споров кажутся наиболее актуальными.

Первое. Нравственность представляет собой индивидуально ответственный способ бытия человека в мире. Она выражает безусловность и категоричность его разумной воли. У человека, как выражается Толстой, нет более важной задачи, чем думать и заботиться о своей бессмертной душе.

Второе. В силу своей изначальной сосредоточенности на себе, погруженности в свою бессмертную душу, связывающую его с Богом, человек максимально развернут в мир. Именно потому, что он думает в первую очередь о своей бессмертной душе, он думает также о всех других и выстраивает свои отношения с миром по вектору любви, как непротивление злу силой. То, что привносит нравственность в мир и делает мир нравственным – это отказ от насилия.

Третье. Отказ от насилия – не единовременный акт, не просто отказ от убийства, физического принуждения, силы, участия в войне и т. д., хотя, разумеется, это первые и самые очевидные шаги в данном направлении. Это – широкая, охватывающая всю жизнедеятельность программа, каждый раз конкретизируемая и контролируемая самим человеком. Она только начинается с отказа от насилия, прежде всего физического принуждения в отношениях между людьми, и обозначает их общий вектор как вектор любви и братских отношений. Как свидетельствует пример самого Толстого, о чем можно судить по его собственным подробным свидетельствам в дневниках и многочисленным воспоминаниям, общий нравственный принцип отказа от насилия получает продолжение в предметно оформленной этической программе, которую каждый человек вырабатывает для себя и реализует своими неустанными усилиями. В случае Толстого, например, важное значение приобрела его поистине драматическая борьба против семейного эгоизма и за отказ от права собственности на свои произведения, которую он выиграл, но которая привела его, в конце концов, к уходу из дома. Видимо, у каждого есть своя борьба такого рода и свой уход.

Список литературы

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Уайтхед А.Н. Избр. работы по философии / Общ. ред. и вступ. ст. М.А. Кисселя. М.: Прогресс, 1990. 718 с.

⁹ Насколько серьезен был Толстой в этом вопросе, показывает его отношение к собственному творчеству первого («языческого») периода своей жизни. Он, как известно, отверг его за совсем небольшим исключением, отверг вместе со знаменитыми романами «Война и мир» и «Анна Каренина», которые считал пустяками, сохраняющими для него ценность только тем, что они привлекают внимание к его религиозно-нравственным сочинениям.

What did bring about Leo Tolstoy's spiritual conversion and what did it consist in?

Abdusalam Guseinov

DSc in Philosophy, Fellow of the Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: guseynovck@mail.ru

The present article examines the new understanding of morality as developed by Leo Tolstoy after a long and agonizing journey in search of the meaning of life. Tolstoy is shown to be a spiritual reformer who sought to transform the three dimensions of human spirit: that of art, that of intellect and that of practical morality. As a thinker, Tolstoy proved to be immensely successful in all these endeavours: he demonstrated that it was possible to establish the close unity of all three realms on the ground of a practical and moral attitude toward the world as embodied in the ethics of non-violence. In late 1870s, at the height of universal fame and prosperity, Tolstoy suffered a spiritual crisis which brought about a radical change in his way of life and approach to the values. He regained the meaning of life, which reconciled him with its transience and gave him the strength to live on, in the idea of nonresistance to evil as the most adequate expression of the commandment of love. Not only did he provide the arguments for the ethics of non-violence, but he managed to put it to practice in his own life. There are three points in Tolstoy's ethical thinking which are still of a major importance: morality is, for a human being, a personally responsible mode of existence in the world; the world can only become moral through the refusal of violence; the refusal of violence is not a one-time act, but a vast programme covering all vital activity, which must be defined and controlled at every given moment by man himself.

Keywords: ethics of non-violence, religion, morals, faith, a practical and moral attitude toward the world, the meaning of life, spiritual crisis, Tolstoy's work

References

Tolstoy, L. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], 90 vols. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1958. (In Russian)

Whitehead, A. *Izbrannye raboty po filosofii* [Selected Philosophical Writings], ed. by M. Kissel'. Moscow: Progress Publ., 1990. 718 pp. (In Russian)